

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

И.В. ОБРАЗЦОВ

ВОЙНА В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович – доктор социологических наук, профессор, заведующий социологической лабораторией, профессор кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета (igorobraztsov@rambler.ru).

Аннотация. На основе сравнительного анализа содержания зарубежных изданий – учебника У. Дж. Скотта и др. «Военная социология. Вводный курс» (2022) и монографии С. Малешевица «Почему люди воюют. Социальная динамика насилия на уровне межличностных взаимодействий» (2022) – рассматриваются место и роль войны в предметной области социологии. В контексте двух основных подходов, реализованных в рецензируемых изданиях («военной социологии» и «социологии войны»), излагаются их преимущества и недостатки при анализе причин и роли войн и насилия на современном этапе общественного развития. Делается вывод о повышенном внимании зарубежных исследователей к изучению войны как социального феномена на фоне игнорирования данной проблематики в отечественной социологии.

Ключевые слова: военная социология • военный конфликт • война • насилие • социология войны • социологическая литература

DOI: 10.31857/S013216250025809-2

Социологическая литература обогатилась двумя знаковыми изданиями. Во-первых, после большого перерыва появился новый полноценный учебник по военной социологии¹, авторами которого выступили профессора Военно-воздушной академии США, университетов Оклахомы и Мэриленда У. Скотт, К. де Анжелис и Д. Сигал «Военная социология. Вводный курс» [Scott et al., 2022]. Работа выполнена в жанре учебной литературы, а ее адресатами являются студенты университетов, специализирующиеся в области социологии и международных отношений. Во-вторых, вышла монография одного из самых авторитетных западных социологов в области изучения проблем войны и насилия профессора Университетского колледжа в Дублине С. Малешевица «Почему люди воюют. Социальная динамика насилия на уровне межличностных взаимодействий» [Malešević, 2022].

Знакомство с данными работами представляет интерес в связи с тем, что аналогичные отечественные издания по военной социологии демонстрируют полное незнание/игнорирование их авторами зарубежного опыта в этой области (см.: [Образцов, 2019]). К тому же, в отличие от разрозненных представлений российских исследователей о месте и роли войны в предметной области социологии (см.: [Образцов, 2020]), западные

¹ Появление первого учебника по военной социологии общепринято связывать с именами американских исследователей Ч. Коутса и Р. Пеллегринна [Coates, Pellegrin, 1965], вместе с тем менее известный для западной аудитории учебник одного из патриархов польской политической и военной социологии Е. Вятра был опубликован на год раньше [Wiatr, 1964].

ученые демонстрируют два сложившихся подхода, которые и характеризуют рецензируемые издания.

Первое направление, имеющее наибольшее число приверженцев, традиционно связывает войну как крайнюю форму проявления военных конфликтов с ее главным актором – вооруженными силами и, следовательно, относит ее к предметной области военной социологии. Именно данный подход реализован в американском учебнике, где анализу войны непосредственно посвящены четыре из 13-ти глав, и еще в шести главах рассматривается опосредованный характер ее влияния на различные аспекты функционирования вооруженных сил и гражданско-военных отношений.

Предметная область военной социологии рассматривается американскими исследователями в двух ракурсах: расширенном («междисциплинарном») и зауженном («строго дисциплинарном»). Для обозначения первого из них используется термин «военная социология» (*military sociology*), «охватывающий возможности как социологии, так и других социальных наук – психологии, истории, антропологии и политологии для изучения войны и военной сферы» (*war and military*). Во втором случае – «для обозначения той части «военной социологии», которая в строгом смысле является социологической дисциплиной, используется термин «социология военной организации» (*sociology of the military*)² [Scott et al., 2022: 14]. И хотя последняя изучает особенности функционирования вооруженных сил и других элементов военной инфраструктуры в мирное и военное время, все же сама война относится авторами к предметной области «военной социологии», позволяющей ей на междисциплинарном уровне изучать структуру и механизмы зарождения и функционирования этого сложного социального феномена.

В учебнике на обширном фактическом материале («иллюстративных кейсах») описаны различные типы войн: «большие» (межгосударственные, в которых друг другу противостоят регулярные армии воюющих сторон, сопровождающиеся большим числом человеческих жертв), «малые» («асимметричные», где сторонами вооруженных конфликтов помимо армий также могут выступать иррегулярные вооруженные формирования, повстанцы и террористические группы/сети) и «новые». Последние, помимо черт двух предыдущих типов, также включают «технологическое волшебство» XXI в. в виде разнообразных информационных технологий и роботизированных средств вооруженной борьбы («механизации смертельно-го насилия» как способа «деперсонификации связи с жертвой»).

Авторы заключают, что хотя «войны и содержат отчетливое военное измерение, но они обычно не имеют военного решения». «Применение только военных мер не может само по себе ни восстановить мир, ни способствовать удержанию власти, потому что фундаментальные причины всех конфликтов и беспорядков имеют политический, экономический и социальный характер» [ibid.: 144]. Относительно будущего прогноз авторов неутешителен: «В современном мире потенциально осуществимыми являются все возможные типы войн... возможно, даже «немыслимая» – «большая» ядерная война» [ibid.: 224].

Реализованный авторами междисциплинарный подход позволил осуществить всесторонний анализ различных типов войн, но четкое выделение особенностей их рассмотрения именно через «социологическую линзу» могло бы значительно обогатить этот труд. Кроме того, в учебнике реализован ставший традицией *американоцентричный характер* изложения материала – большинство теорий и кейсов-исследований основаны на американских источниках и американском опыте³.

² При всей многозначности термина «*military*», прежде всего, в словосочетаниях: «*war and military*» и «*sociology of the military*», мы полагаем, что наиболее точно его содержание в зависимости от определенного контекста соответствует таким русскоязычным понятиям, как «военная организация/институт» и «вооруженные силы/армия». При этом наиболее универсальным представляется его использование в виде более широкого понятия «военной организации», включающей помимо основного компонента – вооруженных сил, и другие элементы оборонной инфраструктуры. Следовательно, под термином «*sociology of the military*» мы предлагаем понимать «социологию военной организации».

³ Из 48 «иллюстративных кейсов» 30 принадлежат перу американских авторов и 18 – представителям Великобритании, Израиля, Франции, Нидерландов и др.

Второе направление, менее популярное, связывает изучение войны с одноименной отраслью социологической науки – социологией войны. С. Малешевич, один из его последовательных представителей, предлагает рассматривать феномен войны в долгосрочной исторической ретроспективе и в более широком контексте насильственных форм социальных взаимодействий в рамках «социологии войны и насилия»⁴.

В своей новой работе в поисках ответа на вопрос: «Почему люди воюют?» он анализирует микросоциологический подход, опускаясь на уровень «межличностных взаимодействий», и для этого вводит в научный обиход понятие «социальной пагнесивности» (*social pugnacity*), общепринятое использование которого «подразумевает внутреннюю агрессивность, пугающий или конфронтационный характер человека», но, по его мнению, «исходный латинский термин “*pugna*”, “*pugno*”, “*pugnatum*” представляется более нейтральным» [Malešević, 2022: 8].

«Социальная пагнесивность» в интерпретации Малешевича «это не отдельный атрибут, являющийся продуктом биологии или психологии, а социальное явление – результат совокупного взаимодействия принудительных мер социальных организаций (институций), идеологической обработки и динамики межличностных взаимоотношений» [ibid.: 9]. Как нам представляется, наиболее адекватным аналогом данного термина в русском языке может служить «социальная воинственность» как базовая стадия последующих ее состояний: конфронтационности и агрессивности.

Пагнесивность/воинственность рассматривается им в качестве социального процесса, существующего как до, так и после «фактической» физической конфронтации – «убийства и умирания на поле боя» [ibid.: 158]. Он связан с формированием коллективного настроя всего общества и/или отдельных его слоев и социальных групп (прежде всего, «комбатантов») на принятие и одобрение целей войны, участие в ней и готовности к самопожертвованию и осуществлению актов насилия.

Главную проблему, связанную с поддержанием необходимого уровня «социальной пагнесивности», автор видит в «избегании насилия» большинством индивидов «в проблеме индивидуальной неготовности военнослужащих сражаться и убивать врага» [ibid.: 322]. И здесь важнейшую роль, как уже отмечалось, призваны сыграть три основных механизма: 1) деятельность государственных институтов («бюрократизация принуждения к насилию»), 2) поддерживающая идеология, достаточно сильная, чтобы оправдать использование летальных средств и способов борьбы («центрифугальная идеологизация») ⁵, а также 3) «интенсивность межличностных взаимодействий» в первичных группах: «Мы сражаемся и убиваем лучше всего в присутствии других, чтобы произвести впечатление, угодить, соответствовать их ожиданиям, скрывать страх, получать выгоду, чтобы избежать стыда... и именно эти социальные связи делают нас одновременно и мучениками, и убийцами» [ibid.: 142, 184].

В боевых условиях, особенно в ближнем бою, когда комбатанты часто оказываются «парализованы страхом, беспокойством и ужасом», особенно остро встает проблема повышения их боеспособности. И здесь военные организации наработали различные методы, которые «удерживают солдат на полях сражений» с помощью: мобилизаций, военного обучения персонала, боевого слаживания подразделений, действий военной полиции, жестоких наказаний за неподчинение и дезертирство, «устоявшихся практик стыда и эмоционального шантажа» [ibid.: 322–323]. На многочисленных примерах автор демонстрирует использование подобных практик «во времени и пространстве».

Что важно, Малешевич однозначно относит «социальную пагнесивность» к сфере изучения социологии. «Насильственные действия, как и любая другая форма социальных

⁴ Обоснованию развития этой отрасли социологической науки именно в данной интерпретации посвящена его предыдущая монография [Malešević, 2010].

⁵ Особую роль С. Малешевич отводит идеологии национализма. «На войне национализм обеспечивает выход из дилеммы: ценить человеческую жизнь или отнять ее, объявляя действия членов своей национальной группы морально справедливыми и дегуманизируя врагов, чьи действия доказывают их внутреннюю бесчеловечность» [ibid.: 142–143].

действий, включают в себя стандартные социальные процессы, которые могут быть объяснены с использованием определенных инструментов социологического анализа» [ibid.: 323]. К сожалению, он не описывает такие «инструменты».

Неоднократно обращаясь к результатам исследований морального духа вермахта, проведенных Э. Шилзом и М. Яновицем в годы Второй мировой войны, Малешевич также подтверждает в качестве важнейшего фактора «социальной пагнесивности» *внутригрупповую сплоченность* (group cohesion) *боевых подразделений*. Однако он почему-то игнорирует предложенные данными авторами стадии дезинтеграции – «социального распада боевых единиц» в виде: 1) дезертирства, 2) активной и 3) пассивной сдачи в плен, 4) обычного сопротивления и 5) сопротивления «до последнего» [Shills, Janowitz, 1948: 282]. Их вполне можно было бы использовать для определения уровня пагнесивности/воинственности в континууме «от активного ненасилия до чрезвычайного насилия». Отсутствие в работе Малешевича подобных индикаторов/шкал придает ей несколько незавершенный характер.

В целом оба рецензируемых издания демонстрируют основные направления научно-го поиска западных исследователей в изучении войны как на макро-, так и на микросоциологическом уровне и варианты представления ее в предметной области социологической науки.

Социология как наука о *современном* обществе должна держать в исследовательском фокусе все общественно значимые явления и процессы, но «без какого-либо учета проблем организованного принуждения (насилия) и войны [социологический] анализ обречен не только на редукционизм и неполноту, но также может привести к искажению социальной реальности» [Malešević, 2010: 335].

Именно это, по нашему мнению, характерно для отечественной социологии, для которой традиционно тема войн и вооруженных конфликтов «стыдливо» и/или конъюнктурно оказывается «невидимой» и «недоступной». Как, например, не только Афганское военное десятилетие – для советских социологов, но обе чеченские и грузинская военные кампании/операции – для их российских коллег также остались вне сферы исследовательского интереса и внимания. Продолжают оставаться неисследуемыми и нынешние события военной операции в Сирии и специальной военной операции (СВО) на Украине. Пока все в лучшем случае ограничивается измерениями «обогащенного» [Fishkin, 1995] государственными СМИ общественного мнения населения о характере его отношения к СВО (при дискуссионности «достижимости» и «откровенности» опрашиваемых). Не случайно фиксируется готовность респондентов «соглашаться с любыми решениями руководства страны и поддерживать “своих” против “чужих”, не особо вдаваясь в размышления о смыслах и подробностях противостояния» как проявление «доминирующей власти официального нарратива» [Звоновский, Ходыкин, 2022: 51].

Единичные попытки теоретических исследований также вряд ли можно назвать обнадеживающими. Пример – работа с претенциозным названием «Война в XXI веке» [Куманьков, 2020], от которой читатель вправе ожидать анализа содержания *современных войн*. Но в итоге он получает «беспредметное» (без упоминания хотя бы одного значимого современного военного конфликта) и аморфное описание «тактик»⁶ «современной войны», а также ретроспективный – со времен античности разбор этико-правовых взглядов на акты вооруженного насилия.

Рано или поздно данная проблематика «неожиданно» войдет в повседневную жизнь российского социума вместе с процессами реинтеграции в него сотен тысяч участников боевых действий, отягощенных последствиями посттравматического синдрома на постконфронтационной стадии «социальной пагнесивности», что неизбежно потребует

⁶ Использование автором при анализе войн термина «тактика» не в общепринятом значении составной части военного искусства (теории и практики подготовки и ведения боя соединениями, частями (кораблями) и подразделениями), а для обозначения неких «концептуальных действий» вызывает недоумение.

осмысления и научного анализа новой реальности. И скромных возможностей «суверенной отечественной социологии» [Кравченко, 2023: 59] окажется здесь недостаточно. Вот тогда, возможно, будут востребованы как рассмотренные выше, так и другие исследования зарубежных авторов по данной тематике (см., напр.: [Malešević 2010; Marlantes, 2011; Wimmer, 2012; Fry, 2013; Scheipers, 2014; Centeno, Enriquez, 2017; Lippard, Osinsky, Strauss, 2018; Lyall, 2020; Сутерс, 2021; Blattman, 2022]), а война как социальный феномен обретет свое место в предметном поле отечественной социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В. Отражение культурной власти геополитического нарратива в коллективных представлениях россиян о специальной военной операции // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 38–53. [Zvonovskiy V.B., Khodykin A.V. (2022) Reflection of the Cultural Power of the Geopolitical Narrative in the Collective Perceptions of Russians about the Special Military Operation in Ukraine. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 38–53. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250021524-9.
- Кравченко С.А. Геополитические вызовы и отечественная социология // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 51–62. [Kravchenko S.A. (2023) Geopolitical Challenges and Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 51–62. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250022096-8.
- Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М.: ВШЭ, 2020. [Kumankov A.D. (2020) *War in the XXI Century*. Moscow: VSHE. (In Russ.)]
- Образцов И.В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106–116. [Obraztsov I.V. (2020) War as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 106–116. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250010207-0.
- Образцов И.В. Российская военная социология сегодня // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 168–173. [Obraztsov I.V. (2019) Russian military sociology today. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 168–173. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250005806-9.
- Сутерс Дж. Социология и военные исследования. Классические и современные основания / Пер. с англ. В.В. Белоусова. М.: ВЦИОМ, 2021. [Soeters J. (2021) *Sociology and Military Studies: Classical and Current Foundations*. Transl. by V.V. Belousova. Moscow: VTsIOM (In Russ.)]
- Blattman C. (2022) *Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace*. London: Viking.
- Centeno M.A., Enriquez E. (2017) *War and Society*. Cambridge: Polity.
- Coates C.H., Pellegrin R.J. (1965) *Military Sociology: A Study of American Military Institutions and Military Life*. University Park, MD: Social Science Press.
- Fishkin J.S. (1995) *The Voice of the People: Public Opinion and Democracy*. Press New Haven: Yale University.
- Fry D.P. (ed.) (2013) *War, Peace and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford: Oxford University Press.
- Lippard C., Osinsky P., Strauss L. (2018) *War: Contemporary Perspectives on Armed Conflicts around the World*. London: Routledge.
- Lyall J. (2020) *Divided Armies: Inequality and Battlefield Performance in Modern War*. Princeton: Princeton University Press.
- Malešević S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Malešević S. (2022) *Why Humans Fight. The Social Dynamics of Close-Range Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Marlantes K. (2011) *What it is Like to Go to War*. New York: Atlantic Monthly Press.
- Scheipers S. (ed.) (2014) *Heroism and the Changing Character of War*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Scott W.J., De Angeles K.M., Segal D.R. (2022) *Military Sociology. A Guided Introduction*. London, New York: Routledge.
- Shills E.A., Janowitz M. (1948) Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. *Public Opinion Quarterly*. 12: 280–350.
- Wiatr J.J. (1964) *Socjologia wojska*. Warszawa: Wydawnictwo MON. [Wiatr J.J. (1964) *Military Sociology*. Warsaw: MON. (In Pol.)]
- Wimmer A. (2012) *The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press.

WAR IN THE SUBJECT FIELD OF MODERN FOREIGN SOCIOLOGY

OBRAZTSOV I.V.

Moscow State Linguistic University, Russia

Igor V. OBRAZTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., the Department of Sociology, Head of Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (igorobraztsov@rambler.ru).

Abstract. Based on the comparative analysis of the latest foreign publications: the textbook by W.J. Scott, K.M. De Angelis, D.R. Segal "Military Sociology. A Guided Introduction" (2022) and S. Malešević's monograph "Why Humans Fight: The Social Dynamics of Close-Range Violence" (2022) the author examines the place and role of war in the subject area of sociology. In the context of two main approaches implemented in reviewed publications: "military sociology" and "sociology of war", both their advantages and disadvantages are outlined when analyzing the causes and role of wars and violence at the present stage of social development. The author concludes that the attention of foreign researchers to the study of war as a social phenomenon is a stark contrast to increased against ignoring this problem in Russian sociology.

Keywords: military sociology, military conflict, review, sociological literature, sociology of war, violence, war.